



УДК 9(571.56)

Якутия в освоении северо-востока Азии в 30-е гг. XVIII – начало XX в.

Л. М. Дамешек, В. П. Захаров

*Иркутский государственный университет, г. Иркутск
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера, г. Якутск*

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения колониального освоения северо-востока Азии, историческим, внешнеэкономическим связям Якутии и вклада инородцев в закрепление этих территорий в составе Российской империи.

Ключевые слова: присоединение, подорожные, подводные повинности, тракты, станки, переселение, беспошлинный ввоз, фирмы, чайная торговля, порты, восстание.

В отечественной историографии справедливо отмечена ведущая роль государства, служилых и торговых людей в присоединении северо-восточных территорий к Российской империи, но в ней обойден вниманием вклад Якутии в освоение этих территорий. Изучение данного пробела представляет научную актуальность.

До 70-х гг. XVIII в. Удск, Охотск, Камчатка входили в состав Якутского воеводства. В 1731 г. образовано Охотское правление с подчинением Камчатки, а в 1739 г. присоединили к нему Удский район, но в 1773 г. вновь его вернули Якутскому воеводству. В 1775 г. образована Охотская область, в 1803 г. – Камчатская, в которую вошел Охотский край. В 1812 г. возникло самостоятельное Приморское управление в Охотске, в 1849 г. с его упразднением Охотский округ был вновь присоединен к Якутской области. В 1856 г. Охотский и Удский районы переданы Приморской области [23, с. 28, 29–40, 48, 49]. В 1904 г. Охотский край снова включили в состав Якутской области, 17 июня 1909 г. Охотский уезд отошел к Приморской губернии. В годы Гражданской войны уезд переходил то к Якутии, то к ДВР. В годы совместного проживания происходило сближение языка и культуры инородцев этих регионов.

Указами Сибирского приказа, Иркутской провинциальной (1734 г.) и Якутской воеводской канцелярий (1738 г.) на якутов возложили подорожную, подводную повинности и перевозку тяжестей в северо-восточные регионы [23, с. 50]. По ним улусы выставляли на каждый станок по 25 лошадей, 8 кобыл, 1 жеребцу, 1–3 быков и снабжали поселенных 7–9 якутов харчами, платьем,

сбруей, выделяли по 5 коров для питания проезжающих, платили за поселенцев ясак. Кангаласский улус содержал 10 станков, олекминские якуты – 8, оленские (вилуйские. – В. 3.) – станки до Витима Иркутского тракта, Ботурусский улус – 6 станков Охотского тракта [11, с. 29, 30, 32, 34, 35]. Поселенцы на станках ставили дома для себя и проезжающих, перевозили почту, служилих.

По натуральной повинности общества расчищали путь, строили и исправляли мосты, гати, содержали перевозки, тянули бечевой лодки и т. д. В 1855 г. всего на исправлении дорог, мостов и гатей Якутского округа трудились в продолжение 5 месяцев 468 работников, на обывательской гоньбе в течение года – 450, на содержании перевозов в течение 5 ½ месяцев – 61 и на других работах – 1 578 человек. В 1860 г. подорожную повинность Якутского округа отбывали 1 860 человек, а состоятельные якуты нанимали людей и вносили деньги [21]. С 1770 г. русским поселенцам для гоньбы по Иркутскому тракту якуты поставляли «полное число конного и рогатого скота, каждому поселенному давали по 24 пуд. провианта и 10 руб.» [23, с. 54].

В 1780 г. в участке Юдомского креста Охотского тракта разместили 100 якутов, в 1816 г. только на четырех станках Охотского тракта поместили на жительство 215 якутов [11, с. 37–39, 41, 45, 52]. Всего на станках Иркутского, Охотского трактов и до Колымы поселили 360–495 душ. В 1859 г. на 17 станках Охотского тракта проживало 400 якутов (39 дворов), 135 эвенков, а на Гижигинском пути в четырех станках – 277 якутов и 198 эвенков [9, с. 358; 19; 22]. Кроме того, с начала XVIII в. «опытных по всем отношении якутов» переселяли для разведения лошадей и скота в Охотск и на Камчатку. В 1806 г. голова Средне-Колымского улуса Мятюжской волости И. Сыроватский, старшины Кангаласской волости Болчуяр Васильев, Байдунской волости Н. Винокуров, И. Макариев пожертвовали «от осмидесяти до ста скотин и обязались доставить на своем кочте в Гижигу», князец Намского улуса П. Эверстов и родович Д. Фектистов – двух лошадей и двух кобыл [21]. В 1861–1866 гг. Российское телеграфное общество наняло 800 плотников-якутов на работу в Охотске, Аяне, Петропавловске и Ситхе. В 1896 г. в Охотском округе появился Мегинский наслег, в 1918 г. – Инородная управа [14], к 1922 г. в Новом Устье прибыло 600 бежавших якутян.

Для перевозки грузов на северо-восток якуты, по данным архивариуса Старостина за 1730–1789, 1796–1830 гг., выставили в подводную повинность 373 тыс. лошадей. Г. П. Башарин считает, что всего было поставлено 420 тыс. лошадей и 73 тыс. проводников, с учетом, что «на каждые десять лошадей полагалось по одной запасной лошади» [2, с. 237; 3, с. 117, 118], а В. Ф. Иванов – что 278 тыс. человек перевезли 1 510 тыс. пудов груза в Охотск [7, с. 167–169]. Здесь не подсчитаны лошади разных экспедиций [4, с. 26, 31, 51, 75, 93, 97] и перевозившие клади торговцев до 1730 г., члены наслегов, участвовавших в снаряжении проводников, в оплате их ясака, содержании семей и т. д. С учетом сказанного, предположительно всего было выставлено 500 тыс. лошадей. В пути от бескормицы, езды и переходов хребтов гибли лошади. В 1808 г. на Охотском тракте пало около 10 тыс. лошадей, в 1818 г. – 3 692 голов, оцененных на 295 тыс. руб. [2; 3; 7]. Из числа отправляемых лошадей возвращались 500–

600 голов» [12], т. е. потери составляли 50–90 % и не возмещались. С падежом лошадей возчики груз оставляли в пути и при его потере с них взыскивали 17,50 руб. с каждой лошади. Позже на определенных расстояниях поставили «магазины» для хранения груза [11, с. 48].

В 1886 г. приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф высказался против присоединения Охотского округа и Аяна к Якутской области «ввиду отрезанности округа от Якутской области». Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин обосновал присоединение округа к Якутской области тем, что его жители «как рынку сбыта пушнины и других изделий, тяготеют к Якутску» и значимостью грузов, идущих через порты Охотского моря [19]. После совещания с крупными фирмами 7 февраля 1907 г. и. д. якутского губернатора Н. А. Ващенко в телеграмме правительству подчеркнул, что «область в высшей степени заинтересована в получении Охотских портов».

В 1763 г. ввели плату на перевозку казенных и полковых тяжестей в Охотск, в 1773 г. – в верховья Колымы, с 1784 г. – по всем направлениям. Из-за низких расценок перевозки ее повышение и своевременная оплата стали предметом прошений якутов. В 1770-х гг. за одну лошадь в Охотск платили 9,50 руб. подрядчикам из дворян, детям боярским, а возчикам – 2,67–1,33 руб. В 1788–1789 гг. якуты добились 20 руб. за лошадь, но они за ее наем «платят тридцати» [8, с. 148, 149; 11, с. 49].

Богатая пушная фауна предопределила вывоз «мягкого золота» на зарубежные рынки. С 1762 г. Кяхта становится главным пунктом торговли, сибирские купцы на пушной торговле нажили первоначальный капитал. М. В. Сибиряков в Кяхту поставлял 1/4 всего привоза пушнины. П. Медведников с сыновьями, развернув пушную торговлю в Якутии, в 1836 г. доставил в Кяхту 732 тыс. белок, 11 667 песцов, 11 357 лисиц, 3 750 горностая, 700 соболей, 166 бобров на 625 тыс. руб. [18, с. 358]. Дорогие меха сбывали на рынках Европы.

Указ царя 1869 г. «даровал» области право беспошлинного ввоза товаров через порты Охотского моря. Его действие в 1916 г. распространили до устья р. Лены и Колымы. Пароходы братьев Дж. и Г. Уолш, И. Е. Шустова, I гильдии купца А. Ф. Филиппеус, «Доброфлота», сменяя друг друга, обслуживали рейсы из Харбина во Владивосток, Аян, Охотск и Олу, в 1911 г. – в Колыму [5, с. 80–90]. Якутская область содержала за пределами своей территории до 1917 г. 5 станков Охотского тракта. «Приамурское товарищество», изыскав средства, обустроило путь из Олы в Тахтаюму и Сеймчан.

Чай занимал видное место на всероссийском рынке. Российские фирмы «Токмаков и Молотков и К^о», «В. Высоцкий и К^о», «С. В. Литвинцев и К^о» и другие открыли чайные предприятия и конторы в Китае. В частности, С. В. Литвинцев установил четыре гидравлических прессы на фабриках в Ханькоу и Ньюкане. Фирмы, выполняя заказ русских купцов, ввозили чай на фрахтованных пароходах из Харбина. Кяхтинские купцы I гильдии М. А. Коковин, А. А. Молчанов, А. В. Швецов открыли чайную торговлю в Якутии. В 1875 г. М. А. Коковин, И. А. Басов, И. А. Молчанов учредили торговый дом «И. А. Молчанов, М. А. Коковин и К^о», в 1885 г. – «М. А. Коковин и И. А. Басов», в 1884 г. – М. А. Коковин с А. А. Молчановым, А. А. Хомзе с И. Е. Шустовым –

«Приамурское товарищество». В 1889–1905 гг. они создали «Товарищество кяхтинских чаоторговцев». Эти два предприятия имели свои отделения в Олекминске, Вилуйске, Якутске, Охотске. За 1886–1894, 1902–1912 гг. они вывезли из Китая 3 682 тыс. ящиков чая.

Якутские купцы вносили деньги в центральные банки, перечисляемые на счета русских комиссионеров в Ханькоу. В 1908 г. якутский купец I гильдии Н. Д. Эверстов-Сэрбэкэ из Московского отделения Санкт-Петербургского торгово-промышленного банка перевел 39 тыс. ланей серебром. С открытием в 1910 г. отделения Русско-Азиатского банка в Якутске (ЯОРАБ) платежи упростились, теперь наличными купцы вносили в ЯОРАБ на имя русского комиссионера в отделении банка в Ханькоу. С разрушением налаженных связей в 1917 г. вновь вернулись к валютной оплате чайных операций. П. А. Кушнарев в Москве получил 15 тыс. фунт. стерлингов, М. А. Коковин – 10 тыс. и т. д. Пароход прибывал в п. Аян, Охотск и Олу в августе и сентябре, и зимним путем груз передвигали в Нелькан или Сеймчан. Далее сплавом по р. Алдан, Лена – в Якутск и по р. Буянда и Колыма – в Среднеколымск. Таким образом, на доставку чая уходило 11 месяцев, а оборот длился 12–18 или более месяцев. Из Охотска эвенки, доставляя чай в Нелькан, зарабатывали до 60 тыс. руб. в год и приобретали у купцов дефицитные товары. В 1848–1850 гг. в Якутск было доставлено разного чая на 158,5 тыс. руб., в 1908 г. А. И. Грозовым – 11 тыс. пудов, П. А. Кушнаревым – 16 240 пудов, фирмой «Коковин и Басов» – 2 500, В. Ф. Астраханцевым – 1 770, И. И. Силиным – 1 800, Г. В. Никифоровым – 3 120 и др. [6]

С поражением в Русско-японской войне возросла экспансия американцев и японцев на северо-востоке России. Там появились американские «North Feasteren Siberian Limited С^о», «Джон Розин и К^о», две компании Филадельфии, фирма Талентайра, Свенсона и др. На Камчатке, Чукотке и Анадыре они развернули скупку пушнины, проникая вглубь до Чауны и Колымы. Их торговля винчестером и другими товарами сократила обороты ярмарки на Пантелеихе. В 1911 г. экспедиция во главе с Корэнном и Виддингом с товарами на шхуне «Кэтти Уэйк» оказалась в устье Колымы, в 1914 г. – во главе с Корэнном. В 1920 г. прибыли шхуны «Белинда», «Поляр Бэр» вместительностью 145 т фирмы «Аляско-Сибирской К^о», Гудмундсена и Костеля. Колымский ревком ввиду недостатка завоза товаров разрешил им торговлю.

Японские фирмы «Нихон Моохи», «Фукуди Гуми», «Арай Гуми», «Демби и К^о» вели торговлю на шхунах по побережью Охотского моря. В 1919 г. японцы торговали на Колыме, позднее – в Оймяконе, английское общество «Гудзон Бей» – в Охотске и Оймяконе. В апреле 1918 г. японцы заняли Владивосток, а в июле 1920 г. они вывели свои войска [5].

В 1922 г. П. А. Кушнарев, бр. Швецовы с американской кооперацией предложили Якутскому губревкому обмен товаров на пушнину. В ответ на это председатель губревкома П. А. Ойунский, указывая, что только Сибвнешторг и Центросоюз правомочны заключать договоры, запретил уполномоченному Мордвову сношение с иностранными фирмами [17]. Утечка пушнины, невысокие цены товаров из Охотска вынудили ЯЦИК в 1924 г. снизить цены, запре-

тить въезд в северные улусы торговцев И. Г. Потапова, Л. Чагина и выселить З. В. Угловского и Крупинина, всего 16 лиц. С упразднением указа беспошлинного ввоза товаров началась бюрократическая волокита с ввозом чая [15]. К ней прибавились недостаток финансов, неоплаченные кредиты и убытки, причиненные Гражданской войной.

Красный и белый террор, непосильные налоги и потеря заработков от перевозки чая стали причиной восстания эвенков. 14 июля 1925 г. тунгусский съезд избрал Временное тунгусское национальное управление. В записке ВЦИК от 7 августа 1925 г. уполномоченные тунгусского собрания отметили тяготение населения Охотского побережья к ЯАССР, потому что их объединяют культура, язык. Но на другом съезде, под руководством начальника военной экспедиции В. А. Абрамова, мнения выступающих разошлись. Пятеро отмечали провокационную роль Ю. Г. Галибарова, Г. Я. Федорова, М. К. Артемьева, Я. С. Шарборина и Н. Потапова, спекуляцию купцов Филиппова, Волкова, Урланова. Десять других указали на дороговизну товаров и низкие цены пушнины Окаро, на непосильные налоги, на то, что ревком «не входил в наши нужды», «бочкаревы умело обобрали тунгусов», а уполномоченный ДРВ А. И. Сентяпов использовал их на борьбу с большевизмом. Приводили случаи красного и белого террора [16].

6 мая 1925 г. политбюро ЦК ВКП(б) образовало комиссию ЦК ВКП(б) и ЦИК во главе с К. К. Байкаловым по мирной ликвидации восстания в Охотском уезде (в составе М. Иванова от Дальбюро ЦК ВКП(б), Н. Д. Кривошапкина от Якутского ОК ВКП(б)). Вначале комиссия подчинилась ЦК ВКП(б) и ВЦИК, но постановлением ЦК ВКП(б) от 11 июня того года ее подчинили Дальбюро ЦК ВКП(б). Дальневосточники, не ведая исторических связей двух регионов и сложившихся внешнеэкономических сношений, утверждали, что «отдать Охотск Якутии – значит отдать японскую границу в руки контрреволюционной части якутской интеллигенции». 25 ноября 1925 г. в Хабаровске постановлением Дальбюро ЦК ВКП(б) отклонили прошение о присоединении Охотского района к Якутии [10, с. 47, 65, 66, 72, 86–89, 95, 96, 122].

Из-за неразрешенных проблем в Якутии продолжались выступления в 1927 г. красных партизан во главе с Д. Г. Добдуковым против НЭПа и конфедералистов П. В. Ксенофонтова. После их подавления прибывшая комиссия ЦК ВКП(б) под председательством того самого, но уже секретаря ЦК ВКП(б) Н. А. Кубяка, в ноябре 1927 г. разбиралась в причинах восстания. С 1928 г. комиссия ВЦИК во главе с Я. В. Полуяном, совместно с членами ОГПУ СССР, вела расследование уголовных дел. Эти материалы и выводы легли в основу постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1928 г. «О положении в Якутской парт-организации», в котором отмечались бандитизм, усиление политической роли и влияния «кулака», руководство обвинялось в «поддержке в верхушечной части националистически настроенной якутской интеллигенции» и в «ряде серьезных политических ошибок». Эти заключения в 30-е гг. послужили к обвинению Аммосова, Барахова, Ойунского в антисоветской националистической деятельности под правотроцкистским руководством П. П. Постышева, Д. П. Сулимова, и власть репрессировала их, а также других представителей интеллигенции.

Указ Президента РФ Б. Н. Ельцина от 27 августа 1994 г. «О восстановлении справедливости в отношении репрессированных в 20–30-е гг. представителей якутского народа» отменил постановления ЦК ВКП(б) 1928 г. [1, с. 36–39, 53–56, 76].

Таким образом, передача территорий другим регионам болезненно отражалась на их жителей. Отбывая государственные и натуральные повинности, якуты внесли лепту в освоение северо-востока и становление великой империи. Несмотря на исторические связи Охотска с Якутией, в 1930-е гг. молодых руководителей, представителей интеллигенции репрессировали, обвинив в национализме, контрреволюционной деятельности, шпионаже.

Вывоз «мягкого золота», предоставление Якутской области беспощадного ввоза товаров содействовали появлению местных предпринимателей, развитию товарного производства и обращения. Непосредственная торговля иностранцев в крае благоприятно влияла на цены пушнины и товаров на Якутской ярмарке. Ввоз товаров иностранцами на Колыму в 1917–1919 гг. спас от голода жизнь многих колымчан.

Разрушение всероссийского, региональных рынков, отмена беспощадного ввоза товаров и сокращение завоза привели к росту противоречий республиканской власти с обществом. Террор, товарный голод стали причиной братоубийственной войны и восстания.

Список литературы

1. *Алексеев Е. Е.* Признаю виновным / Е. Е. Алексеев. – М. : Концерн «ЛР», 1996.
2. *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии / Г. П. Башарин. – М. : Арт-Флекс, 2003. – Т. 1 : История аграрных отношений в Якутии до 1770-х гг.
3. *Башарин Г. П.* История аграрных отношений в Якутии / Г. П. Башарин. – М. : Арт-Флекс, 2003. – Т. 2 : Аграрный кризис и аграрное движение в конце XVIII – первой трети XIX в.
4. *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий / А. В. Ефимов. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1949.
5. *Захаров В. П.* Пушной промысел и торговля (конец XIX – начало XX в.) / В. П. Захаров. – Новосибирск : Наука, 1996.
6. *Захаров В. П.* Краткая история внешнеэкономических связей дореволюционной Якутии : рукопись // Конкурс М-ва внешнеэкон. связей РС (Я) «Якутяне за рубежом». – Якутск, 2003.
7. *Иванов В. Ф.* Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII – начала XIX вв.) / В. Ф. Иванов ; отв. ред. Ф. Г. Сафронов ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Якут. ин-т яз., лит. и истории. – Новосибирск : Наука, Сиб. изд. фирма 1992. – 224 с.
8. История Якутской АССР. – М., 1957. – Т. 2.
9. *Кеннан Г.* Кочевая жизнь Сибири / Г. Кеннан. – СПб., 1896
10. *Ковлеков С. И.* Тунгусское восстание 1924–1925 гг. / С. И. Ковлеков. – Якутск : Изд-во Якут. ун-та, 2005.
11. Наказы якутов Кангаласского, Намского, Батурусского улусов от 1768 г. // Памятники права Саха (Якутия) / сост. М. М. Федоров. – Якутск, 1994.
12. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 12. Оп. 1. Д. 9097. Л. 9, 10.
13. НАРС(Я). Ф. 21. Оп. 1. Д. 49, Л. 1, 6.
14. НАРС(Я). Ф. 21. Оп. 1. Д. 50. Л. 21.

15. НАРС(Я). Ф. 50. Оп. 1. Д. 91. Л. 4, 69, 80.
 16. НАРС(Я). Ф. 50. Оп. 1. Д. 291. Л. 13, 14, 19, 27.
 17. НАРС(Я). Ф. 50. Оп. 42. Д. 17 а. Л. 123, 124.
 18. *Разгон В. Н.* Сибирское купечество в XVIII – в первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа / В. Н. Разгон. – Барнаул, 1999.
 19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 185. Д. 8. Л. 11, 12.
 20. РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 8. Л. 14–21, 23, 39.
 21. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 388. Л. 165, 167–172.
 22. *Сафронов Ф. Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.) / Ф. Г. Сафронов. – Якутск, 1961.
 23. *Сафронов Ф. Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. XX вв.) / Ф. Г. Сафронов. – М. : Наука, 1978.

The Role of Yakutia in Exploration of the North-East Asia in the 30s of the XVIIIth – the Early XXth centuries

L. M. Dameshek, V. P. Zakharov

Irkutsk State University, Irkutsk

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk

Abstract. The article considers the issues of the development of the North-East colonization. The authors examine historical and external economic relations of Yakutia. Moreover, non-Russians' contribution to consolidating these territories into the Russian Empire is studied.

Keywords: Annexation, roadside and compulsory duties, roads, benches, resettlement, duty-free entry, firms, tea trade, ports, insurgency.

Дамешек Лев Михайлович

*доктор исторических наук, профессор,
 заведующий кафедрой истории России
 Иркутский государственный университет
 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
 тел.: 8(3952)24-05-22
 e-mail: levdameshek@gmail.com*

Захаров Вячеслав Платонович

*кандидат исторических наук, старший
 научный сотрудник
 Институт гуманитарных исследований
 проблем малочисленных народов Севера
 677007, г. Якутск, ул. Петровского, 1
 тел.: 8(4112)35-03-65
 e-mail: zakharov.v.p@gmail.com*

Dameshek Lev Mikhailovich

*Doctor of Sciences (History), Head of the
 Department of History of Russia
 Irkutsk State University
 1, K. Marx st., Irkutsk, 664082
 tel.: 8(3952)24-05-22
 e-mail: levdameshek@gmail.com*

Zakharov Vyacheslav Platonovich

*Candidate of Sciences (History), Senior
 Researcher
 Institute for Humanities Research
 and Indigenous Studies of the North
 1, Petrovskiy st., Yakutsk, 677007
 tel.: 8(4112)35-03-65
 e-mail: zakharov.v.p@gmail.com*